

Оригинальная статья

УДК 331.52

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355

EDN QMJLYF

Профили самозанятости и платформенной занятости в России

Дмитрий Геннадьевич Бычков¹, Елена Евгеньевна Гришина², Олеся Александровна Феоктистова³, Наталья Викторовна Локтюхина^{4,5}

^{1,2,3,4} Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, Москва, Россия

¹ (bychkov@nifi.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-4699-7662>)

² (grishina@nifi.ru), (<https://orcid.org/0001-8548-5497>)

³ (feoktistova@nifi.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8169-7975>)

⁴ (loktn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8390-8537>)

⁵ Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Аннотация

Целью выявления и анализа профилей самозанятости и платформенной занятости в России является формирование более полных и точных научных представлений об общих с наёмными работниками и отличительных характеристиках лиц, вовлеченных в самозанятость и платформенную занятость, для последующей оценки социально-экономических рисков этих форм занятости и для разработки предложений по их минимизации. Под профилями самозанятости и платформенной занятости авторы понимают характеристики структуры общей численности самозанятых и платформенных занятых по социально-демографическим группам населения. Исследование проводилось на основе данных Федеральной налоговой службы России, Росстата (Выборочных обследований рабочей силы, Комплексного наблюдения условий жизни населения); проведённого опроса; данных цифровых платформ. Использование различных источников данных позволило расширить перечень показателей, характеризующих ключевые особенности самозанятости и платформенной занятости. Некоторые характеристики данных форм занятости описаны впервые – например, уровень бедности, продолжительность работы на платформах и ряд других. В этом, а также в расширении знаний об исследуемых формах занятости состоит вклад проведённого исследования в прикладную науку. Территориальное распределение самозанятых и платформенных занятых показало высокую их долю в крупных городах, а также в южных и северокавказских регионах России. Сравнение также показало, что большая доля самозанятых и платформенных занятых работают в сфере услуг. Выявлен относительно более молодой возраст рассматриваемых категорий занятых и более высокая самооценка ими состояния своего здоровья. Среди самозанятых и платформенных занятых по сравнению со всем занятым населением в целом выше доля лиц, не имеющих профессионального образования, а также лиц, не работающих по полученной профессии. Исследуемые группы занятых значительно чаще имеют нестандартный режим рабочего времени. Различные данные показали, что финансовое положение самозанятых лиц и наёмных работников не сильно отличается друг от друга. Более половины самозанятых вполне удовлетворены своим заработком, что может говорить о том, что самозанятость является, скорее, свободным выбором, но удовлетворённость надёжностью работы у самозанятых ниже, чем у наёмных работников. Полученные результаты позволили также сравнить профили самозанятости и платформенной занятости в России и в зарубежных странах.

Ключевые слова: самозанятость, платформенная занятость, налог на профессиональный доход, новые формы занятости, структура занятости, независимые работники

Для цитирования: Бычков Д.Г., Гришина Е.Е., Феоктистова О.А., Локтюхина Н.В. Профили самозанятости и платформенной занятости в России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 339–355. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355 EDN QMJLYF

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355

The Profiles of the Self-employed and Platform Workers in Russia

Dmitrii G. Bychkov¹, Elena E. Grishina², Olesya A. Feoktistova³, Natal'ya V. Loktyukhina^{4,5}

^{1,2,3,4} Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute, Moscow, Russia

¹ (bychkov@nifi.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-4699-7662>)

² (grishina@nifi.ru), (<https://orcid.org/0001-8548-5497>)

³ (feoktistova@nifi.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8169-7975>)

⁴ (loktn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8390-8537>)

⁵ Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

Abstract

The study analyses the profiles of the self-employed and platform workers in Russia to gain a better understanding of the similarities and dissimilarities between these two groups, to assess the socio-economic risks these group face and identify ways of mitigating those risks. The profiles of the self-employed and platform workers are understood here as characteristics of the composition of these groups in terms of socio-demographic groups that they incorporate/ The study uses data from the Federal Tax Service of Russia, Russian Committee for Statistics (workforce surveys, survey of the living conditions); own survey; and interviews with digital platform CEOs. The use of different sources of data has allowed to expand the list of indicators that characterize the special features of the self-employed and platform workers. Some of these characteristics have been described for the first time for instance, the poverty rate, duration of platform employment,

etc. This, and also the new knowledge concerning the two employment forms represent the input of this study into the applied research. The spatial distribution of the self-employed and platform workers across regions and territories showed a high proportion of these forms of employment in big cities, as well as in the southern and the North Caucasus regions of Russia. A comparison of various databases showed that a large proportion of the self-employed and platform workers are engaged in the service sector. It also showed the younger age of the members of these two groups that that of the remaining workforce and their higher satisfaction with their health status. The share of persons without vocational training or those who work outside the profession for which they were trained among the self-employed and platform workers is higher than among the hired workforce. These groups are much more likely to have non-standard working hours. Data from different sources indicate that the financial positions of the self-employed and platform workers are not much different from one another. Among the self-employed, more than half are quite satisfied with their earnings (which may indicate that self-employment is a free choice), but the rate of satisfaction with job security is lower than that of hired personnel. The results allow to compare the profiles of self-employed and platform workers in Russia and with those of respective workers in other countries.

Keywords: self-employment, platform employment, professional income tax, new forms of employment, composition of employment, independent workers, own-account workers

For citation: Bychkov D.G., Grishina E.E., Feoktistova O.A., Loktyukhina N.V. The Profiles of the Self-employed and Platform Workers in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):339–355. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355 (In Russ.)

Введение

Исследование профилей самозанятости и платформенной занятости в России, результаты которого представлены в настоящей статье, является частью исследовательского проекта, посвящённого оценке социально-экономических рисков самозанятости и платформенной занятости и разработке предложений по их минимизации¹. Актуальность исследования обусловлена следующими обстоятельствами, характеризующими социально-экономическое положение данных групп занятых.

Во-первых, самозанятость и платформенная занятость, будучи на сегодня наиболее масштабными по численности нестандартными формами занятости, являются в основном неустойчивыми по своей природе [1], а значит и наряду с несомненными плюсами для рынка труда и экономики в целом, сопряжены со сходными рисками, в числе которых отсутствие гарантий, предусматриваемых трудовыми отношениями (обязательного социального и пенсионного страхования, защиты от безработицы, охраны труда и др.). Очевидно, что риск социальной незащищённости выше для тех, для кого самозанятость это основной вид деятельности и, соответственно, ниже для тех, у кого это дополнительный источник дохода, например, у работающих лиц, сдающих в аренду свою недвижимость. Оценка рисков, выработку управленческих решений по их минимизации затрудняет тот факт, что в России самозанятость и платформенная занятость пока ещё не полностью изучены, не ясна структура данных форм занятости в части категорий занятых, их специфических проблем, уровня доходов, образования, мно-

гих других особенностей. Без изучения всех этих характеристик невозможно сформировать более чёткое представление об особенностях этих категорий занятых в России.

Во-вторых, платформенная занятость и самозанятость тесно взаимосвязаны, и эта взаимосвязь заключается в том, что часть платформенных занятых является самозанятыми – работа на платформах может осуществляться как в формате трудовых отношений, так и в формате самозанятости (официальной или не официальной) и при работе на цифровой платформе не всегда различима грань между самозанятостью и наёмным трудом. При этом, многие самозанятые работают с помощью цифровых платформ. Платформенная занятость создаёт условия для развития самозанятости и в ситуации постоянного увеличения численности самозанятых последние ищут новые, удобные и выгодные форматы работы и всё чаще прибегают к помощи цифровых платформ. В свою очередь популярность самозанятости создаёт запрос на разработку новых платформ и увеличение численности занятых на них.

В практике государственного управления ставятся вопросы о регулировании самозанятости, в том числе той, которая реализуется через платформы – речь идёт о проекте концепции по добровольному социальному страхованию самозанятых. В связи с этим важно охарактеризовать профили как самозанятости, так и платформенной занятости.

Делая обзор литературы по данной теме, мы, прежде всего, акцентировали внимание на публикациях, подготовленных после двух почти одновременно наступивших событий, давших импульс развитию исследуемых нами форм занятости: пандемии коронавируса и введении с июля 2020 года на всей территории России специального налогового режима «Налог на профессиональных доход». Отметим, что последнее событие существенно изменило правовое регулирование

¹ Статья подготовлена по результатам реализованного авторами 2023 году научно-исследовательского проекта по государственному заданию Минфина России «Оценка социально-экономических рисков самозанятости и платформенной занятости, разработка предложений по их минимизации» (данные приводятся на момент выполнения проекта, то есть данные доступные в 2023 году).

самозанятости, сделав её более привлекательной как форму организации труда. Известны более ранние исследования, например Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука, эмпирической базой которых являлся онлайн-опрос «Перепись фрилансеров» в 2014 году [2–4]. А.В. Шевчук по сути первым обратился к тематике самозанятости и фриланса в контексте цифровизации экономики [5–6]. В работах В.Н. Бобкова рассматриваемые нами формы занятости исследовались в контексте признаков неустойчивости занятости [7–8] и дестандартизации занятости в целом. В ряде публикаций последних лет исследуется динамика и структура самозанятости и платформенной занятости. Так, на основе данных Федеральной налоговой службы России (далее – ФНС России) в работе [9] самозанятость рассматривается в региональном разрезе и констатируется значительный рост количества самозанятых во всех российских регионах, превосходящий планово-прогнозные оценки, изначально представленные в федеральном проекте 2018 г. «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами». Автор указывает на то, что пространственное становление института самозанятости сочетается со значительным снижением уровня безработицы в подавляющем большинстве российских регионов. Однако при этом автор выделяет и негативные эффекты, в том числе переток в самозанятые квалифицированных работников из предприятий МСП и даже из крупных предприятий, что, по его мнению, усугубило проблему дефицита рабочей силы в части регионов России. В работе [10] определены ключевые тенденции развития самозанятости в период 2019–2022 гг. На основе оценки динамики численности самозанятых, не только в региональном разрезе, но и по видам экономической деятельности, авторы делают вывод о росте востребованности нового формата занятости, оценивают доходы самозанятых по источникам выплат и поступления налога на профессиональный доход в бюджет. На основании полученных результатов, авторы выделяют ряд рисков самозанятости для экономики, работодателей и граждан. Для выявления тенденций развития самозанятости в России (например, стремление самозанятых к легализации деятельности, высокую дифференциацию доходов в зависимости от уровня образования и сектора занятости и многих других) авторы [11] обращаются к данным ФНС России, Росстата, а также проводят социологическое исследование среди самозанятых. Для формирования портрета платформенных занятых ряд авторов [12–13] опираются на результаты собственных опросов таких занятых. Коллективом НИУ ВШЭ в 2022 г. был подготовлен уже второй доклад о платформенной

занятости [12], и особенно отметим тот факт, что проведённое авторами обследование повторило программу, реализованную два года назад, что в сочетании с неизменностью метода опроса и базы рекрутинга респондентов обеспечило высокую сопоставимость полученных данных и качество результатов. Работы А.Н. Покиды [14–15] по проблемам самозанятости основываются на результатах социологического опроса занятого населения, проведённого в 2019 и 2021 г. В опросе 2021 года сделан акцент на выявлении отношения респондентов к налоговому режиму «Налог на профессиональный доход». Вместе с тем, исследовательские лакуны применительно к теме настоящего исследования состоят в недостаточности комплексного взгляда на данные явления с использованием нескольких информационных баз, в том числе данных Росстата о платформенной занятости, которые начали публиковаться с 2023 года.

В целом, невзирая на наличие публикаций, существует пробел в области знаний, суть которого в неясности профилей самозанятости и платформенной занятости в России, под которыми понимаются характеристики структуры общей численности самозанятых и платформенных занятых по социально-демографическим группам населения. Если в узком плане научная проблема исследования состоит в необходимости формирования более чётких представлений об этих категориях занятых ввиду пока ещё недостаточного объёма научных знаний о них, то в широком плане – в необходимости оценки социально-экономических рисков самозанятости и платформенной занятости и принятии управленческих решений в области их регулирования и минимизации.

Объект исследования – самозанятость и платформенная занятость, а предмет исследования – профили лиц, занятых в этих формах. Целью выявления и анализа профилей является формирование более полных и точных научных представлений об общих с наёмными работниками и отличительных характеристиках лиц, вовлечённых в самозанятость и платформенную занятость, для последующей оценки социально-экономических рисков этих форм занятости и для разработки предложений по их минимизации.

Авторы решали задачи описания распределения общей структуры занятых в исследуемых формах по регионам и территориям, по видам и сферам занятости, социально-демографическим характеристикам, по доходам и уровню жизни, и другим характеристикам важным для понимания степени социального самочувствия и удовлетворённости занятостью исследуемых категорий.

В качестве гипотез исследования были выделены следующие: отличие профилей самозаня-

тых и платформенных занятых от стандартных наёмных работников и всего занятого населения в целом; определённая сходность характеристик самозанятых и платформенных занятых; наличие причинно-следственных связей между характеристиками исследуемых профилей и влияющими на них факторами; сходность исследуемых профилей в России и зарубежных странах; зависимость степени рисков исследуемых форм занятости от характеристик соответствующих занятых.

Основные теоретические и методологические положения

Самозанятость известна с древнейших времен и среди учёных [16–17] сложилось представление о её сущности как о самостоятельном ведении трудовой деятельности с целью получения денежного дохода или иных продуктов трудовой деятельности, без отношений найма с работодателем и привлечения наёмных работников. Анализируя формы и виды самозанятости методологически можно выделять таковую по различным критериям, в том числе: по статусу (формальная, неформальная), по отношению к основной работе (основная и дополнительная), по виду (сфере) деятельности (например, торговля, строительство), по типу властных полномочий и др. Применяя эти и другие критерии можно описать различные профили самозанятости, например, неформальной или формальной. На наш взгляд – это отдельные исследовательские задачи. В рамках настоящей статьи представлены результаты исследования самозанятости в целом.

Платформенная занятость – относительно новое явление, возникшее вследствие развития интернета и цифровых платформ. Полагаем, что сегодня являются дискуссионными определения, связанные с платформенной занятостью [18–20], поскольку таковая находится в процессе развития, расширяются формы работы на платформах. Авторы поддерживают определение, данное в проекте федерального закона № 275599-8 «О занятости населения в Российской Федерации», где под платформенной занятостью понимается деятельность граждан (платформенных занятых) по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг на основе заключаемых договоров, организуемая с использованием информационных систем (цифровых платформ занятости), обеспечивающих взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ занятости посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Данное определение охватывает обе формы занятости – и оказание услуг, и выполнение работ, причём не связывая эту занятость исключительно с конечными потребителями этих услуг и работ.

С развитием цифровых платформ расширяется число участников платформенной занятости, в их числе: платформенный занятый (исполнитель); платформа; заказчик/клиент платформенного занятого; посредник (классический пример такого посредника – таксопарк, работающий с агрегатором такси). Продолжая открытую в журнале «Уровень жизни населения регионов России» дискуссию по современным проблемам экономики труда, отметим, что состав участников платформенной занятости подтверждает наши выводы об изменении теоретической сущности рынка труда в условиях дестандартизации занятости [1]. Занятость на платформах расширяет состав покупателей на рынке труда, поскольку платформенный занятый предлагает свою рабочую силу цифровой платформе, клиенту и в ряде случаев – посреднику. В целом при платформенной занятости понятие работодателя размывается, и очевидно, что речь идет о новом типе отношений на рынке труда.

Использованные данные и методы работы с ними

Изучение *профиля самозанятости* проводилось на основе:

1. Данных ФНС России (Аналитический портал ФНС России)², дающих представление о численности и структуре самозанятых, являющихся плательщиками НПД. По данным ФНС на 31.12.2022 г. численность самозанятых плательщиков НПД составила 6 561 тыс. чел., в том числе, 6 223 тыс. чел. – физические лица и 338 тыс. чел. – индивидуальные предприниматели. На 30.04.2024 г. соответствующие показатели: 10 260 тыс. чел., 9 754 889 тыс. чел., 505 399 тыс. чел.

2. Микроданных Комплексного наблюдения условий жизни населения (далее – КОУЖ)³, проведённого Росстатом в 2022 г. во всех субъектах РФ. Выборка обследования составила 60 тыс. домохозяйств (более 123 тыс. чел.). Самозанятые лица выделялись на основе вопроса об основной работе респондента. Вариант ответа «работающие на индивидуальной основе» – соответствующий самозанятым лицам – присваивался лицам, не зарегистрированным в качестве индивидуальных предпринимателей, осуществляющим экономическую деятельность, приносящую доход на регулярной основе и не использующим на постоянной

² Детальная статистика по плательщикам налога на профессиональный доход (Самозанятым). Платформа поставки данных ФНС России. // ФНС России: [сайт]. URL: <https://geocheck-vpd.nalog.gov.ru/#/self-employment> (дата обращения: 12.07.2023).

³ Комплексное наблюдение условий жизни населения – 2022 год. // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 12.07.2023).

основе наёмных работников. Число самозанятых в выборке составило 2 102 человека (1,7 % от общей численности респондентов), а число домохозяйств с самозанятыми – 1 982 домохозяйства (3,3 % от численности домохозяйств).

3. Данных Выборочных обследований рабочей силы (далее – ОРС) Росстата. С 2022 г. согласно новой методологии в качестве самозанятых лиц, не использующих наёмный труд, Росстатом рассматриваются лица, которые управляют экономической единицей самостоятельно или в партнёрстве с другими и не нанимают никого, кроме себя, своих партнёров и помогающих членов семьи для работы в экономической единице на регулярной основе в качестве наёмных работников⁴. К самозанятым, не использующим наёмный труд, согласно методологии Росстата⁵, относятся: владельцы, управляющие компаниями без наёмных работников; самозанятые на семейных предприятиях, ориентированных на рынок, без наёмных работников. В 2022 г. численность самозанятых лиц, не использующих наёмный труд, составила 3 573 тыс. чел. или 5,0 % от общей численности занятых.

4. Данных телефонного опроса РАНХиГС, проведённого в июне 2022 г. В рамках телефонного опроса опрашивались россияне в возрасте 18 лет и старше. Выборка составила 1 617 респондентов, доля самозанятых лиц в выборке – 4,5 %⁶. Данные репрезентативны в целом по России и отдельным социально-демографическим группам населения. Группа самозанятых определялась на основе самоидентификации респондентов, без учёта наличия у респондентов наёмных работников⁷. Данные предоставлены РАНХиГС.

Изучение *профиля платформенной занятости* проводилось на основе микроданных ОРС Росстата за 2022 г.⁸. Согласно методологии Росстата, в качестве лиц, находящихся в состоянии платформенной занятости, учитываются респонденты, которые в течение недели, предшествующей неделе, в которой проводился опрос, использовали на основной работе для поиска клиентов

⁴ Приказ Росстата от 30.06.2017 № 445 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы».

⁵ Обследование рабочей силы – 2022 год // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 12.07.2023).

⁶ Для оценки статистической значимости различий между сравниваемыми группами использовались критерии Манна-Уитни и Вилкоксона. В статье использованы только те различия, которые были значимы.

⁷ Выборка не включает ИП, фермеров и других владельцев предприятий, которые руководят хозяйственной единицей без наёмных работников.

⁸ Обследование рабочей силы – 2022 год // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 12.07.2023).

или выполнения заказов сайты или приложения интернет-платформ. По данным Росстата численность лиц, находящихся в состоянии платформенной занятости, составила в среднем в 2022 г. 3 502 тыс. чел., в 2023 году – 3 243 тыс. чел.

Кроме того, ряд цифровых платформ предоставили авторам свои аналитические данные по профилю их платформенных занятых (название этих платформ в статье не разглашается).

Отметим, что в различных источниках применяются разные подходы к определению рассматриваемых групп. Например, ФНС России в численности самозанятых учитываются все лица, зарегистрированные в приложении «Мой налог», независимо от того, получают ли они доход от самозанятости или нет. В микроданных КОУЖ отсутствует информация о факте регистрации респондента в качестве самозанятого в приложении «Мой налог».

Для выявления отличий самозанятых и платформенных занятых от наёмных работников, считающихся на сегодня стандартно занятыми и всего занятого населения в целом мы проводили соответствующие сравнения. В исследовании мы рассматривали отдельно профили самозанятости и платформенной занятости и сопоставляли полученные результаты в выводах.

Результаты исследования

Анализ данных позволил выделить характеристики профилей самозанятых и платформенных занятых и сделать предположения о том, чем они обусловлены.

Распределение по регионам и территориям

Исходя из данных ФНС России, в 2022 году больше 90 % самозанятых проживали в 47 регионах, а треть всех самозанятых приходится всего на три российских региона – Москву, Московскую область и Санкт-Петербург. В городах-миллионниках проживает двое из пяти самозанятых, тогда как среди наёмных работников только четверть. Такой результат можно объяснить высокой долей сервисной экономики в столице и других мегаполисах, таких как Санкт-Петербург, Казань, Краснодар, Новосибирск и др.

Если сравнивать распределение самозанятых относительно всех работающих по федеральным округам, то в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах относительно выше доля самозанятых, чем работающих, что может быть обусловлено сравнительно большей распространённостью в регионах этих федеральных округов неформальной занятости, на легализацию которой (так называемое «обеление» занятости) во многом и направлен эксперимент с НПД. Можно также предположить, что рост зарегистрированных плательщиков

НПД в регионах Южного федерального округа обусловлен тем, что данный статус даёт формальный статус занятого, необходимый для получения мер социальной поддержки.

Расчёты на данных ОРС Росстата также демонстрируют высокий уровень самозанятости в регионах Северного Кавказа. В 2022 г. в 35 регионах доля самозанятых, не использующих наёмный труд, в общей численности занятых превышает среднероссийский уровень (5 %), а в 18 регионах указанная доля превышает 10 %: в Республике Ингушетия 25 %, в Республике Дагестан 24 %, в Чеченской Республике, в Карачаево-Черкесской

Республике и в Кабардино-Балкарской Республике по 19 %, в Республике Алтай 16 %, в Тамбовской области 12 %, в Республике Адыгея и в Республике Калмыкии 11 %.

Что касается платформенных занятых, то по результатам расчётов на данных ОРС Росстата в 2022 году 27 % платформенных занятых проживали в Южном или Северо-Кавказском федеральных округах, в то время как среди всего занятого населения в целом таких 17 % (таблица 1), что также может быть обусловлено относительно большей распространённостью в указанных федеральных округах неформальной занятости.

Таблица 1

Распределение платформенных занятых и всего занятого населения по федеральным округам, %

Table 1

Distribution of Platform Employees and Employees by Federal Districts, %

	Платформенные занятые	Занятые без платформенных занятых	Всё занятое население
Центральный федеральный округ	19	29	29
Северо-Западный федеральный округ	10	10	10
Южный федеральный округ	15	11	11
Северо-Кавказский федеральный округ	12	6	6
Приволжский федеральный округ	19	20	20
Уральский федеральный округ	8	8	8
Сибирский федеральный округ	12	11	11
Дальневосточный федеральный округ	5	6	6
Всего	100	100	100

Источник: рассчитано авторами на основе данных ОРС Росстата за 2022 г.

Примечание: разница суммы строк по столбцу со 100 % возникает из-за округления.

Наши расчёты, проведённые на данных ОРС Росстата, показали, что в 2022 году 60 % самозанятых лиц, не использующих наёмный труд, являются городскими жителями (4 % от занятых в городах) и 40 % – сельскими жителями (9 % от занятых в сельской местности). По данным опроса РАНХиГС среди самозанятых доля лиц, проживающих в городах-миллионниках, составляет 40 %, что существенно выше, чем среди стандартных наёмных работников (23 %) и респондентов в целом (24 %). Половина всех самозанятых проживает в городах с численностью населения 500 тыс. человек и более.

Виды и сферы занятости

Данные ФНС России показывают, что в I квартале 2023 г. более 20 % самозанятых (от общей численности самозанятых по данным ФНС) работали в следующих четырех сферах:

– ремонт (дизайн, отделка, ремонт, реставрация, ремонт бытовой техники и квартир, строительство, электротехнические и сантехнические работы и прочее);

– авто (автомойка, автосервис, автоэвакуация и буксировка, перевозка грузов или пассажиров);

– IT-сфера (администрирование, обработка и анализ данных, веб-мастеринг, вёрстка и компьютерный дизайн, техническая поддержка и прочее);

– красота (консультирование, косметологические, парикмахерские услуги, услуги стилиста, тату и пирсинга).

При этом более 50 % самозанятых не указывали при оформлении чека в приложении «Мой налог» сферу занятости.

Исходя из данных КОУЖ, более трети самозанятых работают водителями, парикмахерами, косметологами, а также в сфере ремонта автотранспортных средств. По сравнению с работниками организаций среди самозанятых лиц выше доля операторов и аппаратчиков, занятых в сфере обслуживания, сельском и жилищно-коммунальном хозяйстве (таблица 2).

Таблица 2

Распределение самозанятых лиц и прочих работающих по видам занятий, %

Table 2

Distribution of Self-employed Persons and Other Employees by Occupation, %

	Самозанятые лица	Работники организаций	Работающие
Неквалифицированные рабочие	5	6	7
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	19	11	12
Квалифицированные работники сельского хозяйства	21	13	14
Работники сферы обслуживания и жилищно-коммунальные хозяйства	26	14	17
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документов	1	5	4
Специалисты среднего уровня квалификации	7	15	13
Специалисты высшего уровня квалификации	13	33	28
Руководители органов власти и управления	7	4	5

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

По данным опроса РАНХиГС 19 % опрошенных самозанятых работали в сфере общественного питания и бытового обслуживания (парикмахерские услуги, услуги красоты и ухода, услуги ремонта одежды, обуви, бытовых приборов, автотранспортных средств, фотоуслуги), при этом она существенно превосходит аналогичную долю среди стандартных наёмных работников (6 %). Чуть меньше (15 %) опрошенных самозанятых работали в сфере строительства, 11 % – в торговле, 10 % – в производстве различных изделий и стол-

ко же в сфере информационных технологий, связи и курьерских услуг. Восемь из 10 человек указали, что оказывают свои услуги организациям, причём 30 % из отметивших это, сообщили, что такая работа не оформлена договором.

Платформенные занятые чаще, чем всё занятое население в целом, работают в сфере строительства (12 % против 7 %), транспортировки и хранения (19 % против 9 %), а также в предоставлении прочих видов услуг (24 % против 3 %) (таблица 3).

Таблица 3

Распределение платформенных занятых и всего занятого населения в целом по виду экономической деятельности, %

Table 3

Distribution of Platform Employees and Employees by Economic Activity, %

	Платформенные занятые	Занятые без платформенных занятых	Всё занятое население
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3	6	6
Добыча полезных ископаемых	0	2	2
Обрабатывающие производства	8	14	14
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0	3	2
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, ликвидация загрязнений	0	1	1
Строительство	12	7	7
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	13	16	16
Транспортировка и хранение	19	9	9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1	3	3
Деятельность в области информации и связи	4	2	2
Деятельность финансовая и страховая	0	2	2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1	2	2
Деятельность профессиональная, научная и техническая	8	4	4

Окончание таблицы 3

	Платформенные занятые	Занятые без платформенных занятых	Всё занятое население
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2	2	2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0	7	7
Образование	2	10	10
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1	8	8
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2	2	2
Предоставление прочих видов услуг	24	3	3
Всего	100	100	100

Источник: рассчитано авторами на основе данных ОПС Росстата за 2022 г.

Примечание: разница суммы строк по столбцу со 100 % возникает из-за округления.

Сравнение различных баз данных показало, что большая доля в численности самозанятых и платформенных занятых работают в сфере услуг, что отвечает мировым тенденциям.

Возраст и состояние здоровья

В 2022 году самозанятые в России – это 6 % от общей численности лиц в возрасте от 16 лет и

старше и 11 % численности занятых в возрасте от 15 лет и старше.

Согласно опросу РАНХиГС 86 % самозанятых – это лица в возрасте до 50 лет, причём 67 % – это лица до 40 лет (среди наёмных работников доля лиц до 40 лет – 48 %, а среди неработающих граждан – лишь 26 %) (таблица 4).

Таблица 4

Распределение самозанятых и других работников по возрастным группам, %

Table 4

Distribution of Self-employed and Other Employees by Age Groups, %

	Самозанятые	Все работающие	Наёмные работники	Работающие не по найму	Неработающие	Всего
до 30 лет	24	17	17	18	13	16
30–39 лет	43	31	31	36	13	24
40–49 лет	19	27	27	27	11	20
50–59 лет	11	17	19	11	16	17
60–69 лет	1	6	6	6	27	15
70 лет и более	1	1	1	3	20	9
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание: разница суммы строк по столбцу со 100 % возникает из-за округления.

Источник: рассчитано авторами на основе данных РАНХиГС.

Среди платформенных занятых также относительно больше молодых людей: 56 % – это лица до 40 лет (среди всего занятого населения в целом

их 45 %). Лиц в возрасте 50 лет и старше среди платформенных занятых лишь 17 % (среди всего занятого населения в целом – 28 %) (таблица 5).

Таблица 5

Распределение всего занятого населения в целом и платформенных занятых по возрастным группам, %

Table 5

Distribution of Employees and Platform Employees by Age Groups, %

	Платформенные занятые	Занятые без платформенных занятых	Всё занятое население
до 40 лет	56	45	45
40–49 лет	26	27	27
50 лет и более	17	28	28
Всего	100	100	100

Примечание: разница суммы строк по столбцу со 100 % возникает из-за округления.

Источник: рассчитано авторами на основе данных ОПС Росстата за 2022 г.

Согласно данным КОУЖ среди самозанятых лиц, в отличие от всего занятого населения в целом, выше доля мужчин (60 % против 52 %) и лиц в возрасте до 30 лет (17 % против

14 %) (рисунок 1). По данным ОРС Росстата в 2022 году среди самозанятых лиц, не использующих наёмный труд, 55 % мужчин и 45 % женщин.

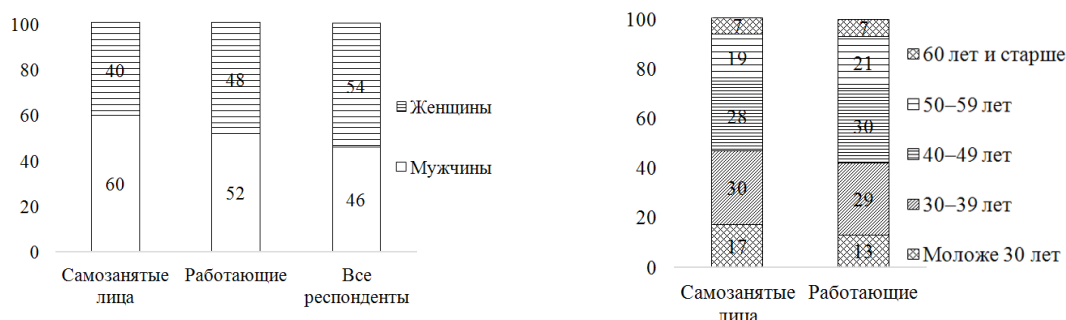

Рисунок 1. Распределение самозанятых лиц и других респондентов по полу и возрасту, %
Figure 1. Distribution of Self-employed Persons and Other Respondents by Gender and Age, %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Поскольку самозанятые относительно моложе, то среди них, по сравнению с другими категориями занятых, относительно выше уровень здоровья. В рамках опроса РАНХиГС 58 % самозанятых оценили своё здоровье как «хорошее» или «очень хорошее». Для сравнения: среди работающих в целом доля лиц, оценивающих так своё здоровье – 48 %.

Возраст и здоровье существенный фактор для оценки возможностей использования этой категорией занятых страховых продуктов, прежде всего добровольного пенсионного страхования, а также для возможностей использования самозанятыми таких страховых продуктов, как добровольное социальное и медицинское страхование.

Образование и квалификация

Среди самозанятых и платформенных занятых по сравнению со всем занятым населением в целом выше доля лиц, не имеющих профессионального образования, а также лиц, не работающих по полученной профессии. Отчасти это связано с тем, что среди этих категорий занятых выше доля молодёжи, ещё не получившей профес-

сионального образования. Однако если говорить о самозанятых и платформенных занятых старше 30 лет, то отмеченная возрастная характеристика их профилей позволяет говорить о проблеме недоиспользования трудового потенциала тех лиц, которые выбирают доступную занятость на платформах, не соответствующую их образованию и квалификации.

Так, по данным опроса РАНХиГС среди самозанятых лиц 49 % имеют высшее или незаконченное высшее образование, 36 % – среднее или начальное профессиональное образование, 15 % не имеют профессионального образования.

По данным Росстата более 60 % самозанятых, имеющих специальность, работают не по полученной специальности, что существенно выше, чем среди иных категорий занятых (рисунок 2). Если говорить о самозанятых занятых старше 30 лет, то отмеченная характеристика профиля позволяет говорить о проблеме недоиспользования трудового потенциала тех лиц, которые выбирают самозанятость (в том числе на платформах), не соответствующую их образованию и квалификации.

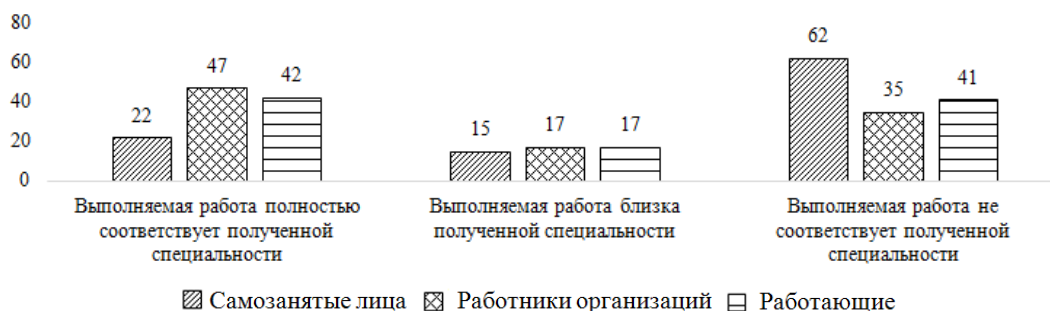

Рисунок 2. Распределение самозанятых лиц и прочих работающих по соответствию выполняемой работы полученной специальности, %

Figure 2. Distribution of Self-employed Persons and Other Employees According to the Compliance of the Performed Work with the Specialty Received

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Среди платформенных занятых чуть выше доля лиц, не имеющих профессионального образования (25 %), чем среди всего занятого населения в целом (20 %). Отчасти это может быть связано с тем, что среди этих категорий занятых выше доля молодёжи, ещё не получившей профессионального образования.

Продолжительность и режим работы

У занятых в новых формах занятости в целом формируется специфический режим трудовой деятельности. Так, судя по данным Росстата, у половины самозанятых гибкий режим работы, ещё у каждого десятого – неполный рабочий день или неполная рабочая неделя, в отличие от

работников организаций, у подавляющего большинства которых (96 %) – полные рабочий день и (или) неделя. Чуть больше трети самозанятых и лишь 15 % работников организаций работает меньше 40 часов в неделю. В то же время, среди самозанятых доля работающих более 40 часов в неделю в два раза больше, чем среди работников организаций (16 % против 8 %) (рисунок 3). Такая особенность занятости может быть значимым преимуществом для лиц, не имеющих возможностей для полной занятости, например, для женщин с детьми дошкольного возраста, а также лиц, ухаживающих за пожилыми родственниками и инвалидами.

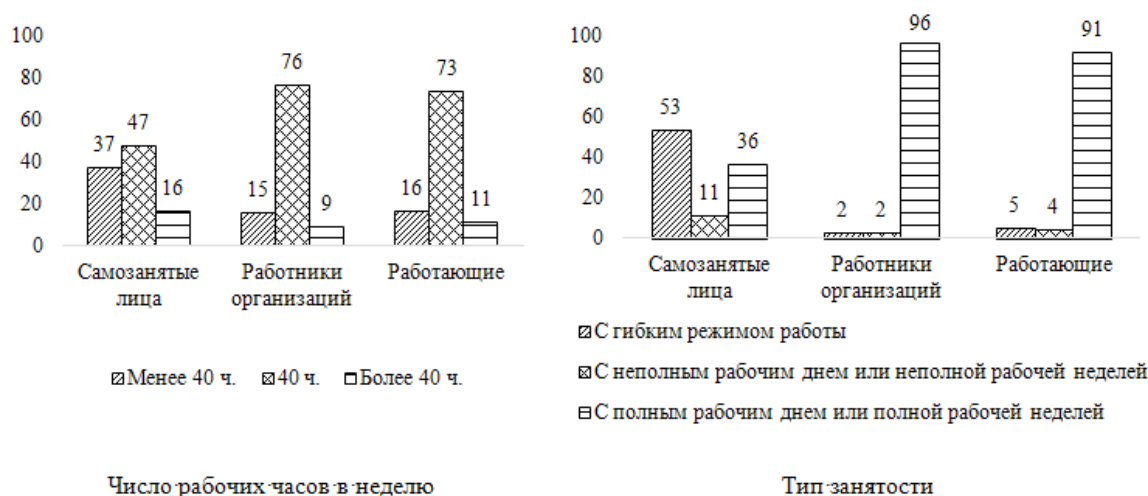

Рисунок 3. Распределение самозанятых лиц и прочих работающих по типу занятости и числу рабочих часов в неделю, %

Figure 3. Distribution of Self-employed Persons and Other Employees by Type of Employment, Number of Working Hours per Week, %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Характер работы самозанятых часто не позволяет им выполнять работу дистанционно: об этом говорят 72 % опрошенных (среди работников организаций эта доля – 68 %).

Что касается платформенных занятых, то таковые чаще имеют нестандартную продолжительность рабочей недели: по данным Росстата они чаще, чем всё занятое население в целом, заняты на основной работе до 30 часов (17 % против 4 %) или более 40 часов (15 % против 5 %).

По данным ряда цифровых платформ, представленных летом 2023 года, значительная часть платформенных занятых работает количество часов, сопоставимое по продолжительности с трудом стандартных наёмных работников. Например, для большинства исполнителей (проанализировано 112,5 тыс. аккаунтов исполнителей)

русской платформы, специализирующейся на доставке продуктов и товаров с полок магазинов, работа на этой платформе является основной: больше шести часов в день работает 68 %. Доля тех, кто работает каждый день и больше восьми часов с возрастом увеличивается – до 62 % в когорте 35–49 лет. Среди исполнителей российской платформы-маркетплейса (опрошено 488 тыс. человек занятых в логистике компании, в основном, на складах и сортировочных центрах) только 4 % совмещают работу на компанию с работой на других платформах, а в трудовые правоотношения вовлечены только 16 %.

Доходы и уровень жизни

На основе данных ФНС России о собранном НПД и данных о численности самозанятых мы оценили среднемесячный размер профессио-

нального дохода из расчёта на одного самозанятого – в 2022 г. этот показатель составлял 9,4 тыс. руб. и в среднем по России ежемесячные трудовые доходы самозанятого не превышали 100 % величины прожиточного минимума (ПМ). Несколько выше уровень профессионального дохода был в Санкт-Петербурге и Республике Татарстан, однако и в этих регионах он не превышал 100 % величины ПМ, достигая соответственно 98 % и 92 %.

Отметим, что хотя Чеченская Республика и Республика Дагестан относятся к числу регионов-лидеров по численности самозанятых среди взрослого населения (9,4 % и 8,9 % соответственно) и демонстрируют рекордный прирост этой численности – более чем в три раза за год в случае с Республикой Дагестан, – среднемесячный профессиональный доход самозанятых в этих регионах один из самых низких по стране – не более четверти величины прожиточного минимума. Таким образом, востребованность самозанятости в данном случае, как мы уже упоминали ранее (в части, посвящённой распределению по регионам и территориям), связана не с относительным уровнем получаемых от неё доходов.

Одной из причин таких относительно низких значений показателя доходов является отсутствие их декларирования у части самозанятых.

По данным ФНС России на 31.12.2022 г. 34 % самозанятых не задекларировали за год никакого дохода и 31 % самозанятых имели за этот период доход меньше 50 тыс. руб.; на 1.07.2023 г. – 49,6 % самозанятых не имели дохода за период с начала года, у 26,6 % доход меньше 50 тыс. руб. Причины могут быть разные: кто-то не снялся с учёта в качестве самозанятого, перестав осуществлять соответствующую деятельность, кто-то действительно имеет небольшие доходы (разовые заработки) или не хочет декларировать имеющиеся, для того чтобы не уплачивать НПД. Так, по данным опроса РАНХиГС в 2022 году 26 % опрошенных самозанятых не уплачивали в последние 12 месяцев НПД.

По данным КОУЖ, половина самозанятых назвала предпринимательский доход одним из основных источников дохода домохозяйства, 70 % отметили в качестве одного из основных источников доходов домохозяйства заработную плату (рисунок 4). С точки зрения обеспечения социальных гарантий самозанятых это может свидетельствовать о том, что 70 % из них имеют доступ к страховым мерам социального обеспечения по основному месту работы.

Самозанятые чаще работников организаций отмечали в составе доходов социальные пособия (возможно потому, что они чаще проживают с детьми) и реже – пенсии.

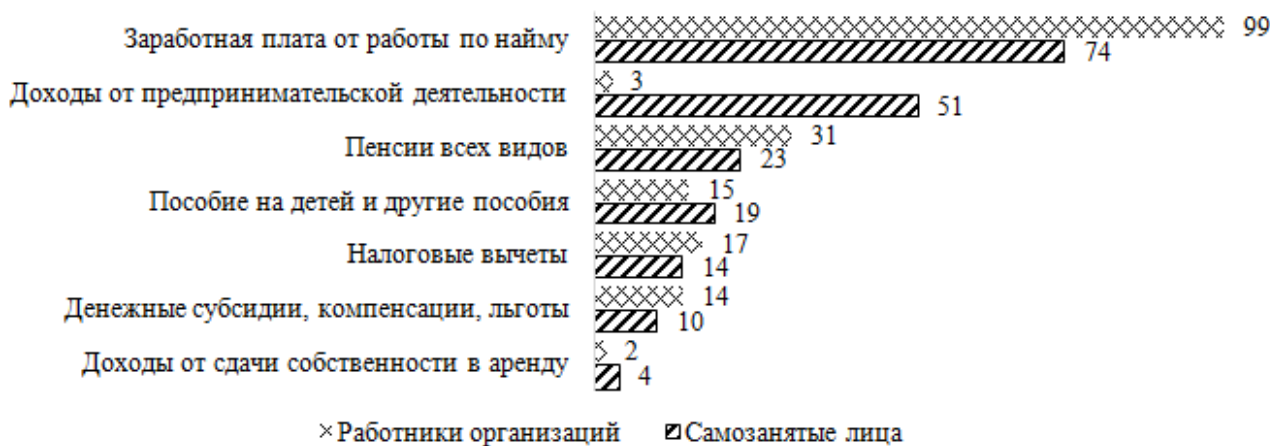

Рисунок 4. Распределение домохозяйств с самозанятыми лицами и прочих домохозяйств по источникам доходов, %

Figure 4. Distribution of Households with Self-employed Persons and Other Households by Income Source, %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Самооценка финансового положения домохозяйства у самозанятых относительно чуть более позитивная. Так, если среди всех работающих доля тех, кому трудно или очень трудно «свести концы с концами», составляет более 30 %, то сре-

ди самозанятых – лишь 26 %, около трети и самозанятых, и работников организаций не смогут справиться с неожиданными тратами, заменой старой мебели и расходами на ежегодный отпуск (рисунок 5).

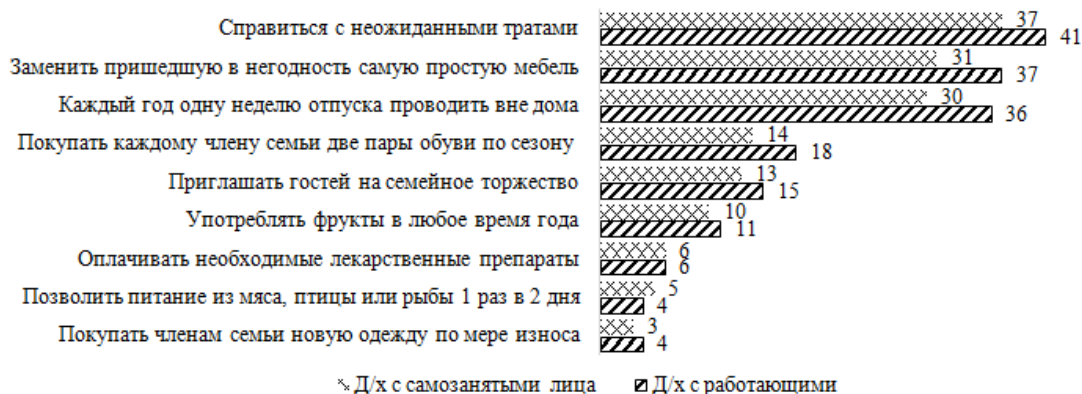

Рисунок 5. Доля домохозяйств с самозанятыми лицами, не имеющих финансовых возможностей..., %
 Figure 5. Share of Households with Self-employed Persons who Don't have Financial Capabilities..., %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

У трети самозанятых в семье практически нет сбережений: их хватит менее чем на один месяц, но такая же ситуация у семей наёмных работников и семей неработающих.

По сравнению с населением в целом домохозяйства самозанятых заметно лучше обеспечены домашними компьютерами и домашним интернетом, а по сравнению с населением в целом и работниками организаций – и легковыми автомобилями. Причиной этого может являться относительно большая вовлечённость самозанятых

в платформенную занятость и в оказание услуг с использованием собственного автомобиля.

Уровень бедности

Уровень бедности – доля лиц со среднедушевыми доходами ниже границы бедности (ГБ) – среди самозанятых несколько выше (16 %), чем среди работников организаций (11 %), однако при этом среди самозанятых немного больше, чем среди населения в целом, тех, чьи среднедушевые доходы выше трёхкратной величины границы бедности (рисунок 6).

Рисунок 6. Распределение самозанятых лиц и других респондентов по уровню среднедушевых доходов относительно границы бедности, %
 Figure 6. Distribution of Self-employed Persons and Other Respondents by Average per Capita Income Relative to the Poverty Line, %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Удовлетворённость занятостью

Данные Росстата показывают, что 8 из 10 самозанятых вполне удовлетворены условиями труда, столько же среди работников организаций. Более 60 % самозанятых вполне удовлетворены своим заработком, среди работников организаций таких лишь половина. Это может свидетельствовать о том, что самозанятость является скорее свободным, а не вынужденным выбором формы занятости, и соответствует приоритетам и цен-

ностям самозанятых. Удовлетворённость надёжностью работы у самозанятых закономерно ниже, чем у наёмных работников.

Большинство самозанятых (70 % опрошенных Фондом «Общественное мнение» во втором квартале 2023 г.) считают, что работа на себя позволяет достичь успеха в жизни быстрее, чем работа наёмным работником. И поэтому 62 % самозанятых не хотят менять свою деятельность на какую-то другую, а ещё 12 % стремятся стать

предпринимателями, зарегистрировавшись в качестве индивидуального предпринимателя и наняв сотрудников.

Сравнение профилей самозанятости и платформенной занятости в России и в зарубежных странах

Развитие новых форм занятости – общемировая тенденция, и в силу того, что она базируется на информационных технологиях, создание и масштабирование которых происходит экстерриториально, практика реализации такой экономики в разных странах имеет больше общего, чем различного. Но и различия тоже есть, особенно если сравнивать развитие платформенной занятости в развитых странах, развивающихся странах и в странах с переходной экономикой [21–22].

Со странами Европы Россию объединяет уровень распространённости самозанятости, а российские мегаполисы – лидеры по доле самозанятых среди работающих – похожи в этом на страны европейского Юга⁹. Демографический профиль самозанятых и платформенных занятых российских мегаполисов и европейских стран сходным образом отличают их от соответствующего профиля стандартных наёмных работников: это чаще мужчины, и они относительно моложе. Сам характер платформенной работы (за исключением сфер, связанных с проектной работой, таких, например, как ИТ или дизайн), то есть выполнение отдельных или однотипных заданий, указывает и ещё на одну черту большого числа платформенных исполнителей – относительно меньшую долю лиц с высшим образованием и лиц, имеющих специальность либо работающих по полученной специальности.

В развивающихся странах относительно высокая степень распространённости самозанятости прямо коррелирует с низким уровнем экономического развития региона, то есть самозанятость выполняет в нём адаптивную функцию на рынке труда [23–24]. Эта ситуация сходна с ситуацией высокой формальной вовлечённости в самозанятость в ряде экономически «слабых» российских регионов Северного Кавказа, однако, мы предположили, что в этом случае самозанятость может играть и какую-то другую роль, в отличие от адаптивной, например, роль социально-статусного арбитража (выше мы говорили о формальном статусе занятого, необходимом для получения мер социальной поддержки).

⁹ Employment statistics – digital platform workers / Eurostat Statistics Explained. // European Commission [website]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment_statistics_-_digital_platform_workers#Extent_and_profile_of_digital_platform_workers_in_the_last_year (дата обращения: 22.05.2024).

Выводы

В результате исследования удалось в целом охарактеризовать профили самозанятости и платформенной занятости в России. Использование различных источников данных позволило расширить перечень показателей, характеризующих ключевые особенности самозанятости и платформенной занятости. Некоторые характеристики данных форм занятости описаны впервые – например, уровень бедности, продолжительность работы на платформах и ряд других. В этом состоит научная новизна исследования.

Сформированные нами профили самозанятости и платформенной занятости по различным источникам данных показывают много общего, несмотря на недостатки этих источников и разницу в используемых ими определениях.

В основном подтвердились наши гипотезы об отличии профилей самозанятых и платформенных занятых от стандартных наёмных работников и всего занятого населения в целом. Территориальное распределение самозанятых и платформенных занятых показало высокую их долю в крупных городах, а также в южных и северокавказских регионах России. При этом важно учитывать стимулы, которые подталкивают к таким формам занятости – возможность совмещать несколько видов работ, работать удаленно, не привязанно к конкретному рабочему месту, расширение возможностей получения дохода и гибкость занятости, легкая регистрация в программе плателщика НПД, получение поддержки от государства. Сравнение также показало, что большая доля самозанятых и платформенных занятых работают в сфере услуг. Выявлен относительно более молодой возраст рассматриваемых категорий занятых и более высокая самооценка ими состояния своего здоровья. Среди самозанятых и платформенных занятых по сравнению со всем занятым населением в целом выше доля лиц, не имеющих профессионального образования, а также лиц, не работающих по полученной профессии. Исследуемые группы занятых значительно чаще имеют нестандартный режим рабочего времени. Более половины самозанятых вполне удовлетворены своим заработком, что может говорить о том, что самозанятость является, скорее, свободным выбором, но удовлетворённость надёжностью работы у самозанятых ниже, чем у наёмных работников.

Вместе с тем различные данные показали, что финансовое положение самозанятых лиц и наёмных работников не сильно отличаются друг от друга, то есть в этой части наша гипотеза не подтвердилась.

Хотя мы знаем, что далеко не все самозанятые заняты на платформах, заметна определён-

ная сходность характеристик самозанятых и платформенных занятых (социально-демографические характеристики, сферы деятельности, уровень образования). И в выявлении этой сходности также есть элемент научной новизны результатов представленного исследования. Эта сходность, взаимосвязь данных форм занятости – аргумент в пользу того, что проблему их правового регулирования необходимо решать в совокупности. Этот вывод важен в силу того, что на сегодня в рамках обсуждения законопроекта по платформенной занятости рассматривается вопрос социальных гарантий платформенным занятым, а самозанятые вне платформы фактически выключены из этой дискуссии.

Прослеживаются причинно-следственные связи между характеристиками профилей самозанятости и платформенной занятости и иными внешними и внутренними факторами. Так, например, исследуемые виды занятости концентрируются в крупных городах, где очевидно высокая доля сервисной экономики, а также в южных и северокавказских регионах России, что может быть обусловлено относительно большей распространенностью неформальной занятости в них.

Полученные профили самозанятости и платформенной занятости могут быть использованы в качестве одного из оснований для оценки рисков, связанных с такой занятостью, поскольку позволяют выявить такие значимые характеристики исследуемых групп как возраст, уровень образования, уровень доходов, продолжительность рабочего дня и т.д., а также использованы для

обоснования управленческих решений по минимизации этих рисков. В этом, а также в расширении знаний об исследуемых формах занятости состоит вклад проведенного исследования в прикладную науку.

Не взирая на использование многих баз данных нам стала очевидна недостаточность информации об исследуемых формах занятости, в том числе закрытость многих значимых для такого исследования данных ФНС России. Например, не ясно, для кого самозанятость является основной, а для кого – дополнительной деятельностью. Кроме того, данные ФНС России не позволяют определить численность и направления деятельности самозанятых лиц, получивших профессиональный доход в отчетный период, а не просто зарегистрированных в системе «Мой налог». Микроданные ОРС за 2023 г. показывают, что 30 % самозанятых использовали интернет-платформы для поиска клиентов и заказов¹⁰. Однако, в сборниках Росстата отсутствует информация о лицах, являющихся одновременно самозанятыми и платформенными занятыми. В связи с этим, полагаем, что до окончания эксперимента по НПД (до 31 декабря 2028 года), для обоснования дальнейших управленческих решений по регулированию самозанятости и платформенной занятости Росстату необходимо провести выборочное обследование самозанятости и платформенной занятости, в том числе отражающее их пересечение, а также детализировать публикуемую по самозанятым статистику ФНС России.

Список литературы

1. Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Индивидуализация трудовых отношений: тенденции развития и вопросы регулирования // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4(45). С. 51–61. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-45-4-51-61> EDN KSEDSE
2. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 1. С. 72–100. EDN TLOJZV
3. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1(393). С. 81–93. EDN XXRRNL
4. Стребков Д.О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики / Д.О. Стребков, А.В. Шевчук, М.О. Спирина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6(136). С. 88–105. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.06> EDN YORVML
5. Шевчук А.В. Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 51–64. EDN OYNUTP
6. Шевчук А.В. Самозанятость высококвалифицированных работников: трудовые стратегии и мотивация // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1. С. 103–108. EDN OYNZQH
7. Бобков В.Н., Черных Е.А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. Т. 14. № 2. С. 6–15. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15> EDN ILZXUU
8. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / В.Н. Бобков, В.Г. Квачев, И.Б. Колмаков [и др.]. 2-е издание, стереотипное. Москва: Издательство «КноРус», 2019. 342 с. ISBN 978-5-406-00369-5 EDN CJJWUM

¹⁰ Микроданные выборочного обследования рабочей силы за 2023 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bd_ors-2023.rar (дата обращения: 12.07.2023).

9. Виленский А.В. Российский институт самозанятости: развитие в контексте пространственных особенностей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 3. С. 7–29. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_3_7_29 EDN AWENCR
10. Чудиновских М.В., Долженко С.Б. Самозанятость в России: ключевые тенденции, риски и возможности // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Том 33. № 2. С. 368–379. <https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33> EDN WQURON
11. Мисько О.Н., Цыганкова И.В. Тенденции развития самозанятости в России // Управленческое консультирование. 2022. № 12(168). С. 18–31. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-12-18-31> EDN UPOYOU
12. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Е.С. Горват [и др.]. Москва: НИУ ВШЭ, 2022. 32 с. ISBN 978-5-7598-2494-7 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2494-7> EDN FILRJK
13. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения: аналитический доклад / Центр стратегических разработок, апрель 2022. 71 с. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxh3yztja243obvc7ly8bntv.pdf> (дата обращения: 02.06.2023).
14. Покида А.Н. Развитие самозанятости на современном рынке труда // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 1. С. 56–63. EDN VFMBNT
15. Покида А.Н. Социальные гарантии самозанятых граждан на современном рынке труда: проблемы и противоречия // Социально-трудовые конфликты в России и в мире: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 октября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2021. С. 61–66. EDN ACNZOO
16. Мирзабалаева Ф.И., Забелина О.В. Регулирование платформенного труда: гибкий баланс государственных гарантий и саморегулирования // Экономика труда. 2022. Том 9. № 3. С. 587–604. <https://doi.org/10.18334/et.9.3.1144383> EDN CIGZZJ
17. Тонких Н.В., Бабинцева А.В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. Том 18. № 1. С. 172–183. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).172-183](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183) EDN OKSGDA
18. Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Динамика и качество платформенной занятости в эпоху коронавируса: вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 4. С. 80–95. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.7> EDN YMHGUS
19. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития / И.З. Гелисханов, Т.Н. Юдина, А.В. Бабкин // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Том 11. № 6. С. 22–36. <https://doi.org/10.18721/JE.11602> EDN YUKCIN
20. Макоев С.Р. Платформенная экономика на рынке финансов // Вестник Сургутского Государственного Университета. 2019. Том 26. № 4. С. 53–57. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2019-4-53-57> EDN PIAFFG
21. National survey of gig workers paints a picture of poor working conditions, low pay / B. Zipperer, C. McNicholas, M. Poydock, D. Schneider, K. Harknett. Report. The Economic Policy Institute. Washington: The Economic Policy Institute, 2022 June. 13 p. Available from: <https://files.epi.org/uploads/250647.pdf> (дата обращения: 22.05.2024).
22. Realizing decent work in the platform economy / Geneva: International Labour Office. Geneva: ILO, 2024. 124 p. Available from: <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/realizing-decent-work-platform-economy> (дата обращения: 22.05.2024).
23. Self-employment in the EU: Job quality and developments in social protection. Research Report. Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2024. 86 p. ISBN 978-92-897-2371-8 <https://doi.org/10.2806/350964>
24. Handbook on the extension of social security coverage to the self-employed. Geneva: International Social Security Association, 2012. 64 p. ISBN 978-92-843-0186-7

Информация об авторах:

Дмитрий Геннадьевич Бычков – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации (SPIN-код: 8644-1181) (РИНЦ AuthorID: 284052)

Елена Евгеньевна Гришина – кандидат технических наук, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации (SPIN-код: 6414-7957) (РИНЦ AuthorID: 3547472)

Олеся Анатольевна Феоктистова – кандидат технических наук, доктор экономических наук, директор Центра финансирования социальной сферы, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации (SPIN-код: 9663-6080) (РИНЦ AuthorID: 547493)

Наталья Владимировна Локтюхина – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Академия труда и социальных отношений (SPIN-код: 3056-0453) (РИНЦ AuthorID: 369938) (ResearcherID: U-7444-2019)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Наталья Владимировна Локтюхина

Статья поступила в редакцию 26.05.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

1. Loktyukhina N.V., Chernykh E.A. Individualization of Labor Relations: Trends, Problems and Solutions. *Sotsial'no-trudovye Issledovaniya=Social and labor research*. 2021;4(45):51-61 <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-45-4-51-61> (In Russ.)
2. Strebkov D., Shevchuk A. Work Trajectories of Self-Employed Professionals. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2015;24(1):72-100 (In Russ.)
3. Strebkov D.O. Labor Values of Independent and Organizational Employment. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Research*. 2017;(1(393)):81-93. (In Russ.)
4. Strebkov D.O., Shevchuk A. V., Spirina M.O. Self-employment in the remote work market: diffusion of innovative labor practice. *Monitoring Obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016;6:89-106. (In Russ.)
5. Shevchuk A.V. Self-employment in the Information Economy: Basic Concepts and Types. *Ekonomicheskaya sotsiologiya=Economic Sociology*. 2008;9(1):51-64. (In Russ.)
6. Shevchuk A.V. Self-employment of Highly Qualified Workers: Labor Strategies and Motivation. *Ekonomicheskaya sotsiologiya=Economic Sociology*. 2007;8(1):103-108. (In Russ.)
7. Bobkov V.N., Chernykh E.A. Platform Employment – the Scale and Evidence of Instability. *Mir novoi ekonomiki=The World of The New Economy*. 2020;14(2):6-15. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15> (In Russ.)
8. Bobkov V.N. (ed.), Kvachev V.G., Kolmakov I.B., et al. Precarious Employment in the Russian Federation: Theory and Methodology of Identification, Evaluation and Reduction. Scientific Monograph. Moscow: Publishing House «KnoRus»; 2018. 341 p. ISBN 978-5-406-00369-5 (In Russ.)
9. Vilenskiy A.V. Self-employment in Russia: spatial aspect of its development as an institution. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(3):7-29. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_3_7_29 (In Russ.)
10. Chudinovskikh M.V., Dolzhenko S.B. Self-Employment in Russia: Key Trends, Risks and Opportunities. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Baikal State University*. 2023;33(2):368–379. <https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33> (In Russ.)
11. Misko O.N., Tsygankova I.V. Trends in the Development of Self-Employment in Russia. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye=Administrative Consulting*. 2022;12(168):18-31. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-12-18-31> (In Russ.)
12. Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Gorvat E.S., et al. Platformennaya zanyatost' v Rossii: Masshtaby, Motivy i Bar'ery Uchastiya. Analytical Report. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2022. 32 p. ISBN 978-5-7598-2494-7 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2494-7> (In Russ.)
13. Platformennaya Zanyatost': Vyzovy i Vozmozhnye Resheniya. Analytical Report. Center for Strategic Research. Moscow; 2022. 71 p. Available from: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (access date: 22.05.2024). (In Russ.)
14. Pokida A., Zygunovskaya N., Gazieva I. Development of Self-Employment in the Modern Labor Market. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii=Russian Economic Developments*. 2022;29(1):56-63. (In Russ.)
15. Pokida A.N. Social Guarantees of Self-employed Citizens in the Modern Labor Market: Problems and Contradictions. Social and labor conflicts in Russia and in the world: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 01, 2021. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2021. P. 61-66. (In Russ.)
16. Mirzabalaeva F.I., Zabelina O.V. Platform Employment Regulation: Flexible Balance of State Guarantees and Self-Regulation. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2022;9(3):587–604. <https://doi.org/10.18334/et.9.3.114438> (In Russ.)
17. Tonkikh N.V., Babintseva A.V. Research of Population's Self-Employment in The Russian Federation: General and Private Problems. *Vestnik Omskogo universiteta: Ekonomika=Bulletin of Omsk University. Economics*. 2020;18(1):172-183. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).172-183](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183) (In Russ.)
18. Loktyukhina N.V., Chernykh E.A. Dynamics and Quality of Platform Employment in The Era of Coronavirus: Challenges for Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(4):80–95. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.7> (In Russ.)
19. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. Digital Platforms in Economics: Essence, Models, Development Trends. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskkiye nauki=St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2018;11(6):22–36. <https://doi.org/10.18721/JE.11602> (In Russ.)
20. Makoev S.R. Platform Economy in The Financial Market. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Surgut State University*. 2019;26(4):53-57. [https://doi.org/10.34822/2312-3419-2019;\(4\):53-57](https://doi.org/10.34822/2312-3419-2019;(4):53-57) (In Russ.)
21. Zipperer B., McNicholas C., Poydock M., et al. National Survey of Gig Workers Paints a Picture of Poor Working Conditions, Low Pay. Report. The Economic Policy Institute. Washington: The Economic Policy Institute; 2022 June. 13 p. Available from: <https://files.epi.org/uploads/250647.pdf> (access date: 22.05.2024).
22. Realizing Decent Work in the Platform Economy. International Labour Office. Geneva: ILO; 2024. 124 p. Available from: <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/realizing-decent-work-platform-economy> (access date: 22.05.2024).
23. Self-employment in the EU: Job Quality and Developments in Social Protection. Research Report. Publications Office of the European Union. Luxembourg; 2024. 86 p. ISBN 978-92-897-2371-8 <https://doi.org/10.2806/350964>
24. Handbook on the Extension of Social Security Coverage to the Self-employed. Geneva: International Social Security Association; 2012. 64 p. ISBN 978-92-843-0186-7

Information about the authors:

Dmitrii G. Bychkov – PhD in Sociology, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute (SPIN-code: 8644-1181) (РИНЦ AuthorID: 284052)

Elena E. Grishina – PhD in Economics, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute (SPIN-code: 6414-7957) (РИНЦ AuthorID: 3547472)

Olesya A. Feoktistova – PhD in Economics, Director of Center of Social Sphere Finance, Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute (SPIN-code: 9663-6080) (РИНЦ AuthorID: 547493)

Natal'ya V. Loktyukhina – Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute; Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Academy of Labor and Social Relations (SPIN-code: 3056-0453) (РИНЦ AuthorID: 369938) (ResearcherID U-7444-2019)

Authors' declared contribution:

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Natal'ya V. Loktyukhina

The article was submitted 26.05.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.